

Таймасов 1992 – Таймасов Л.А. Христианизация чувашского народа в первой половине XIX в. Чебоксары, 1992.

A.V. Kobzev. Conversions among Muslim Tatars of Simbirsk Region in the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries

The author discusses cases of conversion of Muslim Tatars of Simbirsk region to Christianity in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. He considers age and gender ratios of the converts, their numbers, distribution, family status, occupations, and incentives for the conversion. The author argues that the phenomenon of conversion could be generally explained by a set of unfavorable conditions in converts' lives, which were nevertheless unique and specific in each individual case. He concludes that, during the analyzed period, the majority of Muslim Tatars still remained faithful to Islam, while facts of conversion were singular cases and the majority on the whole displayed a negative attitude toward such conversions.

ЭО, 2006 г., № 2

© Г.Р. Столярова

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ОБРЯДНОСТЬ
ЧУВАШЕЙ-ЯЗЫЧНИКОВ ТАТАРСТАНА**

Чуваши (самоназвание – *чаваш*) – один из крупнейших народов России (согласно переписи населения 2002 г., его численность составляет 1637,2 тыс. человек). Чуваши говорят на чувашском языке тюркской группы болгарской подгруппы алтайской языковой семьи. Диалекты – низовой ("укающий") и верховой ("окающий"). Субэтнические группы – верховые (*вирьялы*), средне-низовые (*анат-енчи*) и низовые (*анатри*). Анат-енчи – переходная группа, по культуре она ближе к анатри, по языку – к вирьялам.

Предки верховых чувашей – тюркские племена болгар, пришедшие в VII–VIII вв. с Северного Кавказа и приазовских степей и слившиеся с местными финно-угорскими племенами. В период монгольского нашествия и в золотоордынскую эпоху в междуречье Цивили и Свяги переселились с левобережья Волги болгарские племена (сувазы), которые положили начало группе низовых чувашей (анатри). Таким образом, чувашаи – один из аборигенных поволжских народов, тесно контактирующий на протяжении длительного исторического периода с представителями разных этнических слоев (тюрки, финно-угры и славяне) и разных конфессий (христианство в форме православия и ислам). Как следствие, современный быт и культура чувашей несут на себе следы этих исторических контактов.

В Республике Татарстан (РТ) чувашаи являются третьей по численности этнической группой (3,3%). Настоящая статья написана на материалах этнографических экспедиций Казанского государственного университета (июнь–июль 2000 г. и июль–август 2001 г.; руководитель – Г.Р. Столярова) в Альметьевский р-н РТ – один из крупнейших нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих районов на юго-восто-

Гузель Рафаиловна Столярова – доктор исторических наук, доцент кафедры этнологии и археологии Казанского государственного университета.

Могила Матрены

ке республики. В статье использованы некоторые материалы В.И. Яковлева и Т.А. Титовой – участников экспедиции 2000 г., а также сотрудника Фонда "Альметьевская энциклопедия" И.Р. Габдуллина.

В сельской местности Альметьевского р-на чувашаи составляют 7,6% населения (третья по численности группа после татар и русских) и компактно проживают в семи населенных пунктах, образуя чувашский "куст" на юге – юго-западе района. В селениях Старое Суркино и Новое Суркино (входят в один Совет местного самоуправления) абсолютное большинство чувашского населения относит себя к язычникам. В с. Клементейкино одна часть чувашей – язычники, другая – крещеные православные. В остальных населенных пунктах с основным чувашским населением – деревнях Чувашское Сиренькино, Русское Сиренькино, Багряж и с. Ерсубайкино проживают крещеные православные чувашаи. По данным нашего опроса, к атеистам и тем, кто относится к религии безразлично, причисляют себя около 20% сельских чувашей (во всех возрастных группах; мужчины несколько чаще, чем женщины), остальные – верующие, четко относящие себя либо к язычникам, либо к православным; в с. Старое Суркино несколько человек из числа чувашского населения считают себя мусульманами; мусульманской веры придерживались и их предки. Термина "язычники" в языке местной группы чувашей нет. Как отмечают информанты, "мы не считаем себя приверженцами какой-то особой веры". Вера на чувашском языке – *тён*, а

словосочетание *тёне кёнё* (досл. "вошел в веру") обозначает совершение обряда вступления в религию (к примеру, крещение для православных). Язычники же, по их утверждению, верят в бога без какого-то предварительного вступления, вера как бы сама собой подразумевается.

Освоение территории современного Альметьевского р-на началось, по мнению историков, с первой трети XVIII в. (Димитриев 1983: 81). Народные предания относят эти события к 70–80-м годам XVII в. и даже к эпохе царствования Ивана Грозного. Не вызывает сомнений и разногласий основная причина появления здесь чувшей – бегство от насильственного крещения.

Старое Суркино, по легенде, было основано первопоселенцем Серкке (Сурка), переселившимся с левобережья Волги, из-под Казани (вариант: с правобережья, с р. Свяги), с девятью сыновьями и дочерью Матреной. По имени Серкке, как считают местные жители, назван населенный пункт (первоначально же селение называлось Патраклы – "крепкая жердь", или Батрак; такое же название получила небольшая речка, на которой стоит населенный пункт и которая через систему малых рек впадает в р. Шешму – левый приток Камы). С Матреной в народной памяти сохранилась особая легенда: собирая в лесу ягоды, девушка заблудилась, не смогла найти дорогу домой и погибла. Похоронили ее на месте гибели, но, видимо, не понравилась ей это место, так как долго блуждала ее душа, звала, пугала жителей. Тогда один старец посоветовал перезахоронить ее, а выбор места поручить лошади. Три дня держали лошадь не кормленной, потом отпустили на волю. Лошадь поскакала на север, остановилась за деревней и принялась щипать траву. На это место и перезахоронили Матрену. С тех пор она уже никого не зовет, не пугает. Рядом с могилой Матрены жители стали хоронить своих умерших, и теперь это большое кладбище для язычников. Матрена считается хозяйкой кладбища. Сейчас, совершая языческие похоронно-поминальные обряды, жители села поклоняются ей. Заходя на кладбище, первым называют ее имя, спрашивают ее позволения для совершения обрядов.

По материалам ревизий XVIII–XIX вв. видно, как разрасталось Старое Суркино. Так, по V ревизии селение именовалось Суркино Батрак, в нем проживали 6 душ ясачных и 73 души служилых чувшей. К середине XIX столетия в 49 дворах проживали 200 мужчин и 294 женщины; в 1896 г. – 483 мужчин и 458 женщин. В селе имелись школа грамоты, волостное правление, три водяные мельницы, две лавки¹. В 1910 г. насчитывалось 170 дворов, где проживали 531 мужчина и 527 женщин. В селении находилось волостное правление, имелись церковно-приходская школа, четыре водяные мельницы. Здесь же жил волостной урядник (Список... 1910: 118).

В настоящее время (2001 г.) в 281 хозяйстве с. Старое Суркино проживают 830 человек, преимущественно чувши, а также несколько приезжих русских и татарских семей. Невест мужчины селения выбирают из соседних чувашских сел (в основном среди языческого населения сел Новое Суркино и Клементейкино), туда же отдают замуж своих невест. В последние десятилетия появились снохи из других национальностей, доля этнически смешанных семей в Старом Суркино составляет около 10%. Примерно 40% семей – это простые нуклеарные семьи, среди которых преобладают двухдетные семьи; столько же одиночек, причем мужчин-одиночек не намного меньше, чем женщин-одиночек (соответственно 40 и 68). Работающее население занято преимущественно сельскохозяйственным трудом в агрофирме (бывший колхоз, основное направление – зерновое хозяйство) и на нефтяных промыслах. В селе есть центр местного самоуправления, имеются средняя национальная школа, Дом культуры, магазины; с г. Альметьевском село связано автобусным сообщением (расстояние до города – 28 км). Рядом с селением расположены три кладбища: языческое, православное и мусульманское.

В 3 км от Старого Суркино находится с. Новое Суркино, основанное, по преданиям, в 1770-е годы выходцем из д. Старый Бусеряк (современный Заинский р-н,

расположен к северу от Альметьевского р-на) по имени Пика. С ним пришло несколько семей с хозяевами Искенеем, Саливаном, Этти, Йемке. До сих пор, по словам старожилов, под землей можно найти остатки жилых и хозяйственных сооружений, а место жительства первопоселенцев и сейчас называют "овраг Йемке" и "горка Йемке". После подселения к ним одного из сыновей Серкке населенный пункт был переименован в Новое Суркино и стал быстро разрастаться. По материалам V ревизии здесь числилось 77 ясачных чувашей. К началу 1840-х годов население входило в разряд государственных крестьян и проживало в 35 дворах (108 мужчин и 119 женщин). В 1859 г. в 40 дворах проживали 139 мужчин и 172 женщины. В начале XX в. в деревне было около 80 дворов, в местной инородческой школе обучались 26 мальчиков². Население занималось преимущественно земледелием; пахали сохами, убрали косами и серпами. Сеяли рожь, овес, просо, позднее – пшеницу и гречиху. Зерно возили на продажу в г. Чистополь на крупнейшую в Прикамье хлебную ярмарку. Основной технической культурой, из которой ткали холсты, являлась конопля (у каждой семьи ею была засажена треть огорода; для замачивания конопли у каждой семьи возле речки имелись свои ямки). Популярным и весьма развитым было пчеловодство; держали по 40–50 ульев, в некоторых хозяйствах число ульев достигало 200. До ульев повсеместно бытовали борти.

На 2001 г. в Новом Суркино насчитывалось 140 хозяйств и проживали 397 человек. В селении имеются неполная средняя национальная школа (новое здание отстроено в 1998 г., в 1–9 классах обучаются 45 человек), магазины. Население – в основном чуваша-язычники, а также крещеные православные. В последние годы появились последователи буддизма. Местные жители рождаются через браки главным образом с жителями с. Старое Суркино. Кладбище общее, язычников и православных хоронят вместе, стараясь при этом соблюсти семейный принцип (нередко в одной семье объединяются язычники и православные).

Несмотря на близость и тесные связи двух селений – Нового и Старого Суркино, их население заметно различается. Главные отличия – в языке. В целом чувашский язык этого "куста" сильно татаризирован вследствие тесных длительных контактов местных чувашей с окружающим татарским населением (к слову, большинство местных чувашей свободно говорит по-татарски). Многие чувашские термины давно заменены татарскими аналогами, широко используются татарские слова-связки, татарские термины родства и т.п. Один из результатов этноязыковых процессов у чувашей этого региона Татарстана – то обстоятельство, что они с трудом могут объясняться на родном языке с чувашами из Чувашской Республики. При такой общей особенности чувашский язык старожильческого населения Нового Суркино татаризирован сильнее всего; по существу это смешанный татарско-чувашский язык, что, очевидно, является следствием более ранней миграции предков новосуркинцев в восточные районы региона и более длительных их контактов с татарским населением, что выразилось, в частности, в большем языковом смешении. Кроме того, новосуркинский говор мягче (там, где старосуркинцы говорят на твердое "д", новосуркинцы смягчают на "т"; у первых "ч" твердое, жесткое, у вторых – мягкое).

Наконец, еще одно селение, в котором проживают чуваша-язычники, – с. Клементейкино (в 60 км к западу от Альметьевска), возникшее, как считается, в 1735 г.³ Примерно в то же время появилось сел. Сиренькино, чуть раньше – Ерсубайкино. По народным легендам, Клементей, Сирень и Ерсубай были братьями (вариант: Ерсубай и Сирень – сыновья Клементя), по их именам и получили названия селения, но документально данное родство не подтверждается. Через указанные места проходили войска Емельяна Пугачева и Салавата Юлаева, поэтому в представлениях некоторых жителей с. Клементейкино возникновение населенного пункта привязывается к "временам Пугачева". По мнению историков, не имеют под собой почвы как представления об основании Клементейкино во времена Ивана Грозного, так и

то, что Клементей находился в составе войск Степана Разина (к реальным событиям относится лишь поход Степана Разина на Волгу и Яик в 1667 г.). Но причина образования этого села, как и сел Старое и Новое Суркино, очевидна – это желание избежать насильственного крещения. Существует еще одна легенда, которую исследователи ни подтвердить, ни опровергнуть не могут. Она связывает имя Клементея с А.Д. Меншиковым, которого Клементей якобы спас от разбойников, за что ему было разрешено за одну ночь опахать (вариант: обойти) свою территорию, и все, что он сумеет огородить, будет в его собственности. Народная память приписывает Клементею две (вариант: три) жены, одна из которых – Кашапова Минсалу (Минзаласлу) – была татаркой, "поэтому у нас есть мусульманские обычаи при свадьбе и похоронах". Однако бытование у жителей с. Клементейкино отдельных элементов мусульманской обрядности можно, скорее всего, объяснить татарским окружением.

По материалам IV ревизии 1782 г. в селении проживали 36 душ мужского пола крещеных и 44 души некрещеных чувашей⁴. В 1900 г. в 119 дворах проживали 338 мужчин и 350 женщин. Имелись миссионерская (инородческая) школа (открыта в 1890 г.), бакалейная и винная лавки, две водяные мельницы, два хлебозапасных магазина, кузница⁵.

На 2000 г. в селении насчитывалось около 200 хозяйств, население – 470 человек. Доля этнически смешанных семей составляет 3,8%, во всех из них мужчины-чувашки женаты на русских или татарках. В с. Клементейкино находится центр местного самоуправления, включающий еще один чувашский, один русский и один татарский населенные пункты.

Все сельское чувашское население региона отличается высокой степенью консолидированности, устойчивым этническим самосознанием; при этом субэтническое самосознание утрачено. 98% респондентов считают родным чувашский язык, 93% владеют им в совершенстве. Свободно владеют русским языком 80% опрошенных, татарским – 60% (во всех половозрастных группах), имеется положительная установка на обязательное изучение детьми трех языков: чувашского, русского и татарского. Главная же специфика местного чувашского населения – наличие в их составе язычников, чьи этнокультурные особенности наиболее ярко проявляются в народной праздничной и семейной обрядности.

* * *

Наиболее распространенные и массовые праздники у чувашей – календарные. Как и повсеместно в России, широко отмечаются общенародные праздники: Новый год, 23 февраля и 8 марта, 1 Мая, День Победы, День Конституции. К этой же группе праздников, только регионального типа, можно отнести и Сабантуй (чувашский "Акатуй", чувашки Татарстана, как и другие народы республики, называют его татарским термином "сабантуй" – свадьба, или праздник плуга). Из древнего языческого земледельческого праздника сабантуй трансформировался в общереспубликанский праздник, это народное гуляние зрелищно-игрового характера, которое проводится организованно повсеместно и одновременно по окончании весенних полевых работ.

Главная же специфика праздничной обрядности чувашей Альметьевского р-на РТ выражается в проведении языческих праздников. Часть из них календарно совпадает с православными праздниками. Это *Сурхури* – Рождество – праздник, которым открывается неделя игр, ряжений, гаданий; *Саварни* – масленица (пекут блины, сжигают чучело, играют на музыкальных инструментах и поют, устраивают скачки на лошадях); *Манкун* (Великий день) – Пасха (красят яйца, к вечеру собираются родственники, пьют, гуляют. Раньше ходили по домам, теперь сидят в одном доме. На третий день выпивают бочонок браги. Пасху проводят в среду, а в четверг молодые люди ходят по дворам, бьют палкой по воротам – выгоняют чертей – *Серен*. Хозяин до-

ма одаривает яйцами и блинами молодежь, которая потом идет на гору, зажигает костер и съедает подношения с просьбой к богу дожить благополучно до следующей Пасхи); Троица (ходят поминать умерших на кладбище, вечером молодежь водит хороводы). На все праздники обязательно топили баню, имеющую, по поверью, очистительную силу.

Верховное божество, к которому обращаются во всех молитвах, – *Тура (Тора-бабай, Туры-бабай)*. Кроме того, имеются *пирештэ* – ангелы, у каждого человека свой ангел. Рядом с селением (в Старом Суркино) находится *киремет* – место жертвоприношения. Раньше здесь был жертвенный дом, сейчас осталось только дерево, на которое вешают ленточки, обращаясь к богу с различными просьбами. По словам информантов, до недавнего прошлого существовало представление о киремете еще и как о духе, который наказывает за непозволительное поведение. Злые силы представлены *Шуйтаном*, причем каждая природная стихия имеет своего духа: лесной дух (*урман Шуйтан*), водяной, степной духи и т.д.

Весенние обряды начинались с обычая *эзьям* (с. Старое Суркино). Когда сходил снег, женщины мыли моленный дом и чистили родник; до этого весенние работы не начинались. Топили баню, варили по домам кашу, и каждый нес ее в моленный дом. После этого выходили на полевые работы. Как-то моленный дом украл мордвин из соседней д. Васильевка, но вскоре сам весь высох и умер. Поставили новый дом, покрыли его соломой, которую часто уносило, и общими усилиями крыли дом заново. К настоящему времени дом разрушился, но верующее население намерено его восстановить.

В памяти нынешнего населения с. Старое Суркино сохранились некоторые особенные обряды весеннего цикла. Один из них – обряд отпугивания злых духов от домашней скотины и оберег от падежа: когда весной выгоняли скот, то с ворот – въезда в деревню – швыряли в каждую голову ком земли и стреляли из ружья. По другому обычаю на горке вырывали яму, и каждый человек должен был спуститься в нее и вылезти, а в это время в него бросали землю, чтобы отогнать зимние болезни. В обоих случаях земля, считающаяся священной, наделялась особой силой. Весной же односельчане собирались и сжигали старые лапти (с. Клементейкино); в с. Старое Суркино дети ходили по домам, им отдавали старую обувь, которая сжигалась, чтобы лето было достаточно теплым, а урожай – хорошим.

В июне, с появлением первых всходов, язычники проводили и до сих пор проводят два аграрно-производственных обряда: *сумар чук* и *уй чук*.

Сумар чук, или дождевая каша, – это моление о дожде. На каждой улице дети под предводительством кого-нибудь из старших ходят по домам и собирают продукты (муку, яйца, крупу, картофель, масло), затем разжигают костры (на каждой улице свой) и варят кашу, которую едят все жители. На речке ставят кольшки, на которые нанизывают яичную скорлупу. Пожилые женщины читают молитву с просьбой о дожде. Заканчивается трапеза всеобщим обливанием водой.

Для закрепления магического воздействия на природные силы в конце июня – начале июля до наступления времени летних работ совершают *уй чук* (местные язычники называют его "Удюк", или "Учук") – обряд жертвоприношения, или молитва полю (в с. Новое Суркино этой традиции нет). В 1940-е–1970-е годы "Удюк" не проводился, с середины 1980-х годов он совершается ежегодно. Даже если год выдается дождливым, старики настаивают на проведении этого обряда, чтобы избежать стихийных бедствий и других несчастий.

Пожилые женщины, пользующиеся в деревне авторитетом, предупреждают всех жителей о времени и месте праздника. Сельчане собирают деньги на жертвенного теленка (по 20 руб. с хозяйства) и продукты для приготовления специальной каши. Деньги идут в общую кассу, и на них покупается один общий теленок или телочка (старожилы считают, что предпочтительнее телочка). Праздничную кашу варят от-

Варка каши на празднике "Удюк"

дельно на жителей каждой улицы с самого утра. На специально отведенном месте у источника воды ставят котлы (по числу улиц в деревне) для приготовления священной каши. Живущие на той или иной улице едят кашу из своего котла.

Несколько позже на это место привозят жертвенного теленка, на него с молитвой брызгают водой и режут. Разделяют теленка исключительно мужчины. При этом соблюдается ряд магических действий: всю кровь, которая вытечет из животного, нужно обязательно закопать (иначе можно наступить на нее, а это страшный грех); шкуру, копыта и внутренности, а также кости от съеденного животного зарывают в землю со словами: "А это тебе, кушай!", поясняя: "Это для бога. Бог дал, бог взял". Раньше голову и шкуру вешали на дерево. Разделав тушу жертвенного животного, ее передают женщинам, которые варят мясо в отдельном котле.

Обычно жители деревни приходят к месту празднования к полудню (женщины стараются одеться в национальные костюмы). К этому времени каша готова: она состоит из крупы (гречневая и перловая), картофеля и масла.

Когда все сельчане собрались, начинается традиционное моление, в котором участвуют пожилые женщины. Причем под мышкой они обязательно держат мужскую шапку, а на плечи накидывают пиджак. Это связано с тем, что традиционно моления проводили мужчины – главы семей; считалось, что их обращения к божеству более доходчивы. Но сейчас знают молитвы и хранят традиции в основном пожилые женщины. Одна из них, которую называют *знахаркой*, читает молитву, обращенную к божеству *Тура*, просит о ниспослании милостей (чтобы уродился хороший урожай, все оставались живы и здоровы, не было болезней, урагана и пр.).

Есть основание думать, что первоначально с молитвами обращались к матери-земле (Токарев 1964: 371). Когда молитва заканчивается, все женщины, участвующие в молении, начинают водить хоромы и петь обрядовые песни. Как уже отмечалось, в обыденной речи чувашей региона присутствует много татарских слов, но в

Женщины в национальных костюмах на празднике "Удюк"

молитвах и старых чувашских песнях татарских слов нет совсем, т.е. очевидно, это тот культурно-лингвистический пласт, который сохранился со времен, предшествующих переселению группы с запада. Праздник заканчивается коллективной трапезой и общим обливанием водой, чтобы было достаточно дождей.

В период с завершения посева яровых и посадки овощей, цветения злаков до начала поднятия пара проводился праздник *синсе*, или *уяв* (оканчивался уяв обрядом "Удюк"). Первоначальный смысл термина "синсе" – праздник земли, почитание "беременной земли". По сообщениям чувашских этнографов, во время синсе от имени всей общины налагались определенные запреты. Торжественным образом объявлялось: "С завтрашнего дня пусть будет синсе, объявляем об этом. Запрещается стучать, рвать и косить траву, сушить зерно, сеять, добывать камни, молоть зерно на мельнице, носить рубашки из пестрядинной и окрашенной тканей, шить одежду из этих материалов, все должны одеваться лишь в белую одежду, срок – 10 дней" (Денисов 1959: 14). Смысл табу состоял в боязни вызвать град, грозы и другие стихийные бедствия. В настоящее время большинство запретов не выполняется, знания об этой стороне уява утрачены. От старой обрядности сохранились лишь хороводные гуляния в принятое по времени их проведение, традиционность текстов и мелодий хороводных песен (песенная тематика – бытовая, в основном поются молодежные лирические), круговое движение хоровода.

Хоровод на празднике "Удюк"

В последний четверг перед Троицей проводится чувашский *Семик*, который у местных чувашей считается большим праздником, чем Троица, и входит в поминальный цикл. В среду вечером молодежь выходит на гулянье и до утра принято не спать; играют в различные игры, водят хороводы, устраивают розыгрыши, воруют у соседей лук и угощают друг друга, парни кидаются в девушек воробьиными яйцами. Под утро парни со своими девушками воруют у соседей дрова и топят для родителей баню, чтобы те пошли поминать на кладбище в чистом (обычай поминовения на кладбище появился относительно недавно, "как у русских"; раньше поминали только дома). Париться принято двумя свежими березовыми вениками. Утром в четверг ходят в лес, собирают цветы, плетут венки. Дома пекут блины, варят из курицы суп – это основная поминальная пища.

Раньше в Семик (в с. Старое Суркино) проводился старинный магический обряд опахивания деревни для защиты от эпизоотий и других бедствий. Собирался весь народ, 40 девушек впрягались в соху и опахивали деревню вдоль забора, которым раньше обносили селение. Там, где не представлялось возможным пройти сохой, брали в руки лопату и оставляли ею след. Процессию подгоняла прутиком молодая женщина (вышедшая замуж, но свадьбы у нее еще не было). За ними шли парни и шутками подгоняли девушек; шедшая вместе с ними старушка-ворожея ударяла прутиком по забору. В настоящее время обряд опахивания не существует (как не принято и обносить селение забором), остался он только в народной памяти.

К числу специфических локальных осенних праздников относятся *бакатуй* (устраивался раньше руководством колхоза, теперь агрофирмы проводят его только для сельскохозяйственных работников по окончании осенних полевых работ); *хур йашики* – осенняя дань божеству с просьбой защитить от болезней (в два следующих друг за другом четверга резали по гусю, созывали родственников, тщательно собирали пух, перья, все кости и бросали в речку с молитвой; сейчас гусей держат немногие, и

только они изредка соблюдают этот обычай); *карда бодты* – осенняя дворовая каша, чтобы во дворе водилась живность.

Перечисленные праздники и обряды в первую очередь имеют отношение к чувашам-язычникам региона. Православные чуваша отмечают церковные праздники, которые не бытуют у языческого населения (к примеру, престольные праздники, Крещение и пр.). Остальные праздники (Пасха, Троица и др.) православные отмечают по воскресеньям, в отличие от язычников, у которых праздники проводятся в среду или четверг. Вместе с тем, согласно материалам нашего опроса, крещенные чуваша считают своими национальными многими языческие праздники (дождевая каша, "Удюк", уяв) и отмечают их пусть не в полном объеме, но с сохранением главных элементов и смысла. Это подтверждает вывод чувашских этнографов о том, что православные христианские праздники вошли в быт чувашского крестьянства, наложившись на основной земледельческий цикл языческих праздников; чувашские крестьяне-земледельцы стали отмечать лишь те праздники, которые приурочивались к прежним религиозным, а образы христианской религии слились с представлениями о языческих богах (Денисов 1959; Чуваша 1970). На это явление обратил внимание еще в XIX в. А.Ф. Риттих, отмечавший: "Произошло то странное сочетание христианства с язычеством, которое едва ли можно встретить в других язычествующих религиях" (Денисов 1959: 352) что, судя по всему, сохранилось до наших дней.

Наконец, необходимо отметить еще одну отличительную черту чувашей региона: среди них чрезвычайно популярны татарские праздники. Это очевидное свидетельство длительных контактов чувашей с татарами и следствие этнокультурного влияния последних на инонациональных соседей. Правда, попытки исламизации чувашей, предпринимавшиеся в досоветское время, потерпели неудачу; нынешние многочисленные чуваша-мусульмане считают себя таковыми лишь из уважения к памяти предков, которые в свое время приняли ислам добровольно по примеру своих друзей татар. Современные чуваша-мусульмане не выполняют предписаний ислама, включены в систему народной языческой обрядности и свою принадлежность к исламу выражают только в пожелании быть похороненными на мусульманском кладбище рядом с родственниками. Несколько более преуспело в миссионерской деятельности христианство, но среди современных язычников крещение не приветствуется; при этом в смешанной православно-языческой среде наблюдается абсолютное лояльное взаимное отношение к представителям других конфессий.

* * *

Как и у других народов края, самое значительное, торжественное и радостное событие в бытовой жизни чувашской семьи – свадьба. Современные чувашские свадьбы включают в себя много элементов традиционной свадебной обрядности, но без былого драматизма. Чуваша региона чрезвычайно гордятся тем обстоятельством, что при внедрении в свадебный церемониал современной гражданской обрядности они сумели сохранить основные черты народной чувашской свадьбы.

В современной свадьбе, как и прежде, четко выделяются три периода: предсвадебный, собственно свадьба (свадебный пир) и послесвадебный.

Предсвадебный период включает совокупность действий, предшествующих свадебному пиру. Традиция предусматривает тайный переход невесты в дом кого-либо из родственников жениха, где она проводит от одной до трех недель, не выходя из дома (Старое и Новое Суркино). Все это время она завершает подготовку приданого (все изделия из ткани принято покрывать ручной вышивкой), а жених навещает ее и готовится к сватовству. Сватами могут быть родители и другие родственники (их должно быть непарное число). Сватовство, на котором при благоприятном отношении родителей невесты обсуждаются детали предстоящей свадьбы – "сговор", кото-

рый иначе еще называют "запой", так как весь процесс переговоров сопровождается пышной трапезой. Сваты одаривают родителей невесты (мужчинам традиционно дарят рубахи, женщинам – отрез на платье). Спиртное во время запой оплачивается за счет жениха, угощение – за счет невесты.

После сговора в домах невесты, жениха и их близких родственников начинается подготовка к свадьбе. Традиционно просватанная девушка до свадьбы жила в доме жениха и играли свадьбу не раньше, чем после двух-трех месяцев совместной жизни молодых. Не всегда, но эта традиция сохраняется и сейчас. За одну-две недели до свадебного пира невеста возвращается в родительский дом и готовит свадебный наряд – общепринятые белое платье, белые туфли и фату. Однако в ряде случаев невеста в первый день надевает национальное чувашское платье с традиционными украшениями и национальный девичий головной убор – шлемовидную шапочку "тухъя", который в процессе брачной церемонии заменяется на женский – конусовидную шапочку "хушпу". В с. Старое Суркино живет мастер, который изготавливает эти головные уборы.

Свадьба у чувашей Альметьевского р-на проходит очень пышно. Многие гости (женщины) приходят в национальной одежде и хушпу. Традиционная свадьба начинается в доме невесты, и чем больше приходит гостей, тем счастливее будет жизнь новобрачных, как считают чувашки. Жених вместе с друзьями едет за невестой. При отправлении в путь боятся встречи с человеком с "дурным глазом", с "тяжелой ногой" или же с пустыми ведрами, поскольку подобная встреча, по поверью, предвещает неудачу. В качестве оберега от злых сил втыкают в одежду иголку или булавку. Участники процессии поют свадебные песни. Вот одна из свадебных песен жителей с. Старое Суркино:

Так высоки казанские горы,
Что не смогут казанские кони подняться.
Так красивы наши деревенские девы,
Что не могут чужие парни налюбоваться.
Трости из ясеня, из меди,
Хотим мы на них опереться.
Ах, братец мой, ах, сношенька,
Хотим мы у вас нагоститься.
Для крыши сарая в нашем лесу
Давайте выберем самые хорошие желуди.
Что останется после нас,
Пусть украшает этот лес.
Из суркинских наших девушек
Давайте выберем самых хороших.
А оставшиеся девушки
Пусть дальше украшают деревню.
Если вам нужны красные платья,
Приходите в наш магазин.
Если вам нужны светловолосые девушки,
Приходите на нашу улицу.
Колышется вяз, облетают листья,
Как только выдерживают его корни?
Молодость проходит, грустно на душе.
Как только выдерживает моя глупая голова?
На восьми лошадях поехал в Самару
Выбирать сани с восемью спицами.
Таких саней в Самаре нет,
А таких родственников, как наши, нигде нет.
По вашим улицам проехал раз пять
На паре гнедых лошадей.
Смотрите внимательнее на нас в ваши окна,
Заигрывая синими глазами.

Во время сенокоса на лугу
 Так и мелькают белые колпаки.
 Не мелькали бы эти колпаки,
 Не пролетели бы наши молодые жизни.
 Красиво сплетенные вожжи
 Идут красивым лошадям.
 Наш смех и наши игры
 К месту лишь в молодые годы⁶.

Свадебный поезд останавливается у ворот дома невесты. Однако его не пускают во двор, пока приехавшие гости не оплатят своеобразную "пошлину" на въезд, одарив братьев и сестер невесты сладостями. Жениха встречают родители девушки. "Выборный человек" (как правило, дядя невесты) обращается к отцу невесты с просьбой разрешить приехавшим участвовать в свадебном веселье. Свадебной церемонией руководит один из невестиных родственников.

Родственники жениха привозят угощение – семь различных кушаний и вино. Жених и его родственники занимают самые почетные места за столом. Наконец, появляется невеста, закрытая покрывалом и преподносит жениху подарок, а ее подружки дарят носовые платки друзьям невесты. И начинается общая праздничная трапеза.

После угощения жених должен выкупить сундук с приданым невесты; с этой целью он дает монеты подружкам невесты, после чего сам относит сундук и устанавливает его в головной автомобиль. У чувашей Альметьевского р-на принято перед отъездом невесты из родительского дома проводить обряд прощания невесты с подругами. Во время этого обряда подружки дарят невесте кольцо или булавку на память, чтобы в будущем она вспоминала свою незамужнюю жизнь. Обряд прощания невесты с подружками – отголосок древнего обряда отторжения, символизирующий разрыв невесты с родной стороной. С последним напутствием к молодым обращаются родители девушки, благословляют их, желают счастливой и долгой совместной жизни.

В настоящее время из дома невесты свадебный поезд отправляется, как правило, в загс. Но еще совсем недавно официальная регистрация считалась второстепенным событием и зачастую осуществлялась значительное время спустя после свадьбы.

В дальнейшем проведении свадьбы произошла некоторая трансформация. Несколько десятилетий назад в традиционном варианте свадьба распадалась на две отдельные части: свадьба невесты и свадьба жениха. Первая заключалась в том, что в доме родственниц жениха невесту переодевали в платье замужней женщины и меняли тухью на хушпу; родственницы невесты пели обрядовые песни, в которых оплакивали ее уход из родного дома. Смена девичьего головного убора тухъя – еще один эпизод, символизирующий переход невесты в ранг женщины. Смена головного убора как атрибут инициационного значения известен у многих народов, в том числе у тюрко- и славяноязычных. Невеста сидела с подружками и родственницами за столом, закрытая белым тканым покрывалом и пела собственную песню, которая называется "плач невесты": она упоминала в песне родственников, которые в ответ одаривали девушку чем-нибудь. Рядом с невестой сидела девочка с вышитым мешочком в руках и собирала подарки. Чувашская пословица гласит: "Кто не плачет под покрывалом, тот наплачется под пологом". С точки зрения первородных обрядовых функций плач невесты имеет многоплановый смысл. Плач очищал, освобождал людей от тревог, способствовал обновлению, а значит – переходу в другое состояние. Плачевое самовыражение – как свадебное, так и погребальное – имеет аналогии в традиционной культуре почти всех народов.

В это время жених со свадебной свитой обходил дома близких родственников и, только завершив его, отправлялся за невестой и вез ее в родительский дом, где начинался общий свадебный пир (без родителей невесты, их присутствие было не принято).

Второй день проводился в доме невесты. Иногда на свадьбу приходили ряженые (более характерно для крещеных чувашей). В этот день устраивали невестину лапшу. С раннего утра невеста начинала готовить лапшу, ей помогали в этом подруги. Когда гости садились за стол, невестины подруги предлагали выкупить у них ложки – плата невесте за лапшу. После трапезы родственники молодой давали жениху задание, чтобы проверить, насколько он умелый. Его обязывали нарубить дров, причем рубил он только плохое дерево, уже не пригодное для топки, а затем молодожены получали общее задание: она должна была принести воды из колодца, а он – охранять ее в дороге. Обряд назывался "прокладывание пути к воде". Суть его заключалась в том, что молодая несла ведра на коромысле, а за ними шли дружки и подружки и пытались расплескать воду из ведер. Жениху следовало не допустить этого. Подобный обряд известен также у удмуртов, мари, бесермян. Хождение к воде, мотивы приобщения к ней – животворной, очищающей силе – присутствуют в мифологии всех народов.

Третий день свадьбы проходил в доме жениха. Так, в с. Клементейкино именно в это время жених выкупал приданое невесты, после чего она развешивала предметы своего рукоделия: полотенца, одежду, занавески на стене дома для всеобщего обозрения. Пришедшие гости оценивали мастерство молодухи.

В настоящее время после регистрации свадебный поезд направляется к дому жениха. На крыльце молодых встречают родители парня с караваем хлеба и маслом (иногда с медом и маслом – аналог татарского обычая "бал-май"). Невеста целует хлеб и откусывает кусочек масла. Принято считать, что этим родители жениха напоминают ей, что ее язык должен быть таким же мягким, как масло. Свадьба в первый же день проходит как общий пир. Главный распорядитель на нем – тамада, у которого, как и у гармонистов, через плечо в качестве отличительного знака повязано вышитое невестой белое полотенце. Тамада рассаживает гостей (принято делать это по ходу солнца), обносит всех ковшом с квасом (бражкой), на дне которого лежат монеты (раньше для этого существовали специальные свадебные ковши) и который он обязан сохранять до конца торжества. Жених и невеста сидят каждый на своей подушке, а гости стремятся выкрасть одну из них (женихова сторона – у невесты, невестина – у жениха) и получить за это выкуп. Специальных свадебных блюд, обязательных на свадебном столе, не отмечено. Раньше на свадьбу готовили национальные чувашские блюда: *хуплу* (большой круглый пирог из пресного теста с начинкой из мяса, картофеля и крупы – пшена, риса или перловой крупы), *шортан* (мясо одного или различных сортов несколько дней томили в печке), *тултармыш* (овечьи кишки, наполненные крупой с жиром и отваренные в воде), *икерче (игерче)* – дрожжевые блины. Обязательным свадебным напитком был *сыра* – вид пива, больше похожий на бражку, сейчас замененный покупными алкогольными напитками. В настоящее время национальные блюда со свадебного стола практически исчезли (иногда пекут хуплу и блины), их заменили общепринятые для больших торжеств блюда из мяса и рыбы, овощи, сладости и фрукты. Очень популярна у чувашей региона татарская выпечка (треугольники, перемячи с мясом, чак-чак и пр.).

На второй день проводят традиционные обряды: проверка умений молодых, прокладывание пути к воде, у крещеных чувашей бьют посуду. Затем свадьба обходит (иногда за день до 15 дворов) родственников жениха. Содержание этого ритуала, перешедшего из традиционной свадьбы, практически не изменилось и заключается в следующем. Свадебная процессия останавливается у ворот, и все поют:

Пустите, не пустите, все равно зайдём.

Если хотите, чтобы мы вошли, выйдите,

Если нет, встаньте к нам спиной.

У вышедших хозяев спрашивают: "Что кушаете, что пьете?". Те в ответ: "Мед да масло", что означает "добро пожаловать". – "Мы тоже ищем мед да масло, можно ли нам зайти?" – "Можно, можно". Свадьба направляется в дом, где все три раза обходят вокруг хозяев. Молодые встают около них на колени со словами: "Давай поклонимся старшим, у нас голова не отвалится, а благословение старших не пропадет". Хозяин и хозяйка по очереди благословляют новобрачных: "Даю вам деньги, пусть эта сумма умножится, живите счастливо, пусть будут дети на радость вам". Потом все садятся за стол, угощаются, поют свадебные частушки, приглашая присутствующих плясать. После этого идут к следующему двору, где церемония повторяется.

Через несколько месяцев принято проводить коллективные трапезы: сторона жениха приглашает родственников невесты, а те, в свою очередь, приглашают родственников жениха.

Таким образом, в современной чувашской свадьбе сохранились основные элементы традиционной свадьбы (поезд жениха, пир в доме невесты, ее увоз, пир в доме жениха, обряды послесвадебного цикла), сочетающиеся с современными обрядами. Одни обряды практически исчезли (плач невесты, например, хотя в ряде случаев информанты указывали, что бабушки заставляли их набрасывать на голову покрывала и причитать), другие приобрели игровой характер (выкуп приданого и пр.).

Свадьба – один из древнейших религиозных обрядов, связанных с областью взаимоотношения полов. Поэтому в нем отмечается наличие различных древних верований и культур: культы плодородия и природы, обыгрывание благословения сверхъестественных сил и защита от других злых сил, магия чисел.

Главными персонажами свадьбы были жених и невеста, их окружали особым вниманием. Брачный союз официально закрепляет перед обществом отношения двух лиц: жениха и невесты. А свадьба санкционирует установление родственных (коллективных) отношений между двумя родами.

* * *

Как особо радостное событие в чувашской семье воспринимается рождение ребенка. В прошлом роды происходили дома и их принимали деревенские повитухи. В настоящее время большинство женщин рожают в медицинских учреждениях, но нередки случаи, когда роды проходят дома. Для того чтобы облегчить роды, применяли и применяют ряд магических и медицинских приемов: молятся, поминая покойников; массируют роженицу; с молитвой опрыскивают живот роженицы водой; выдавливают плод полотенцем. Позы роженицы при родах самые различные: лежа, на коленях в полусогнутом состоянии, стоя – при особо трудных родах роженицу подвешивали на привязанных подмышками полотенцах (последнюю позу нередко отмечали у татар). Новорожденного сразу же заворачивали в старую рубашку отца (чтобы последний его любил и чтобы младенец, как и отец, рос сильным и здоровым); также было принято заворачивать ребенка в старые платья, засовывать в рукав старой шубы или тулупа. В один из трех дней после рождения ребенка топили баню, в которой его и роженицу мыли. По-разному поступали с пуповиной: клали под дом между фундаментом и погребом ("чтобы ребенок был домашним человеком"), зарывали во дворе дома, высушивали и хранили в сундуке или в потолке между досками, зарывали в том углу дома, где висит икона (у крещеных).

До сих пор в домах чувашей сохранились люльки (зыбки), хотя молодые женщины предпочитают укладывать ребенка в детские кроватки или коляски. Люльки изготавливались из липовой или осиновой коры, прямоугольной формы, на дне – сетки из мочала; люльку подвешивали к яблоневой или рябиновой жерди, позднее замененной пружиной. Сверху накрывали пологом от мух. Клали в люльку ребенка с

молитвой (у язычников с обращением к Тура-бабаю, у крещеных с приговором "во имя Отца, Сына и Святого духа", повитуха при этом брызгала святой водой). Под голову или в ноги клали металлические предметы (нож, ножницы), чтобы ребенок спал спокойно, и шайтаны его не беспокоили. Металлические предметы как обереги клали в люльку, если ребенок оставался дома один.

После рождения ребенка принято, чтобы родственники сделали подарки. Обычно пекут пироги, блины и по очереди приходят поздравить роженицу. Имя ребенку дается в разные сроки в течение первого года жизни. Этот обряд называется *ача йаишки*: родители приглашают родственников, ребенку дают имя, угощают супом (*йаишки*). Если ребенок рождался с родимым красным пятном или оно появлялось позднее, давали второе имя, начинающееся на Мин- (Минзифа, Минсулу и пр. – татарские имена).

Детская обрядность включает различные магические действия, которые, по мнению чувашей, способны уберечь ребенка от несчастья и нечистой силы.

Существовали защитительные обряды, чтобы ребенок не умер в первый год жизни: это изменение имени в случае, если до этого дети в семье умирали, продажа ребенка за символическую сумму (10 коп., 1 руб.) родственникам или хорошим соседям (в любом случае продажа была фиктивной); слабых и недоношенных детей "перепекали" в печи три-четыре раза (это делала бабка на деревянной лопате для печения хлеба со специальной молитвой).

Известно много оберегов от сглаза. Так, с первых дней жизни ребенка стараются не показывать людям с "дурным глазом" (с тяжелым взглядом, черноглазым людям). От сглаза лоб (вариант: подбородок) ребенка мажут сажей (сейчас помадой), нашивают на шапочку бусинку, ракушку, монетку, на рубашку и чепчик ребенка пришивают кусочки бересты. Если ребенка все же сглазили, лечат его, окуривая дымом древесного гриба, обмазывают "оконным потом" (жидкостью, которая конденсируется на оконных стеклах), зовут старушек для чтения молитв. Раньше, чтобы вылечить ребенка от испуга, плавил над сковородой свинец и уносили его на речку, чтобы водой унесло страхи в виде того, что проявилось на сковороде; другие варианты – кусочек застывшего свинца подвешивали ребенку на нитке на шею, окуривали древесным грибом ("запах гриба сам по себе успокаивает"), макали гриб в воду, обрызгивали ребенка и давали ему эту воду выпить.

Известны народные средства для лечения у детей различных болезней. При заболевании оспой завешивали больного от света, белье не меняли, запрещали умываться, лечили травами, сыпали солью на пораженные участки. По сообщениям информантов, местные знахарки успешно лечили детей от грыжи заговорами и при помощи засушенной грыжи различных животных. Опрелости лечили сухой трухой дерева после обмывания, подсолнечным маслом. В бане в целях выравнивания делали массаж ног, рук, тела. Ноги туго пеленали, чтобы они были прямыми.

Воспитание детей имело и имеет основной целью обучение их будущим половозрастным обязанностям. Более старшие дети присматривали за младшими, девочки выполняли женские работы по дому, мальчики помогали отцам; довольно рано подростки начинали участвовать в сельскохозяйственных работах.

Общей особенностью религиозных обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей у чувашей региона, является вера в силы магии: амулеты, вера в нечистую силу и т.д.

Анализ традиционных родильных обрядов чувашей свидетельствует о том, что многие из них имеют аналогии с подобными обрядами у татар Волго-Уралья.

* * *

Значительное место среди семейной обрядности чувашей занимают похоронно-поминальные обряды, что свидетельствует о развитом культе предков. Весь ритуал погребения и поминания у чувашей определялся представлением о бессмертии души, нуждающейся в первое время в удовлетворении всех потребностей, свойственных живому человеку. В связи с этим стремились умиловить покойника и отдать ему дань уважения.

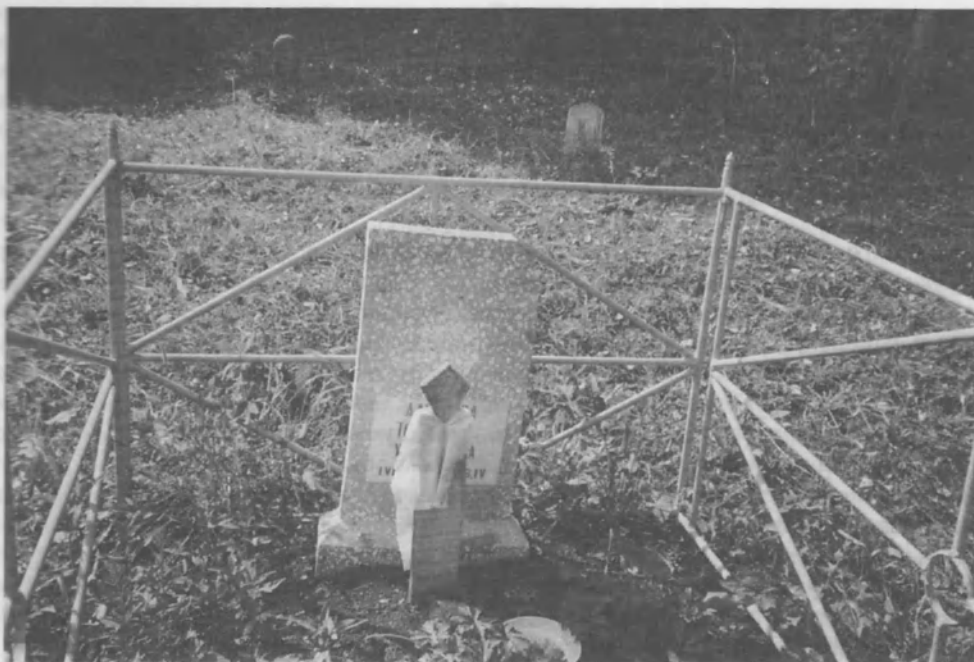
Умершего человека язычники стараются похоронить в течение суток после смерти. Сразу после кончины бросают в сторону кладбища яйцо, чтобы душа знала туда дорогу. Могилу отправляются рыть мужчины – ближайшие родственники (кроме супруга и сыновей), друзья, соседи – до 10–15 человек. Чем больше уважали умершего, тем больше людей стремятся участвовать в рытье могилы. Ее роют по очереди, глубиной 2 – 2,20 м. Готовую могилу, по поверью, нельзя оставлять на ночь, так как в ней могут поселиться черти. Если все же могилу приходится оставить до следующего дня, то на ночь возле нее разводят костер, чтобы отпугнуть нечистую силу.

Тем временем покойного обмывают близкие родственники, мужчины – мужчин, женщины – женщин. За водой идут втроем на родник или речку, с собой берут металлические предметы-обереги (нож, кочергу) и нитку как символ дороги. Нитку опускают в воду; последнюю берут с молитвой. Одновременно топят баню и готовят поминальный стол: обязательно режут курицу, варят суп-лапшу, пекут блины. Готовят специальное блюдо *юсман*: смешивают сырые яйца, муку и соль, готовую массу доводят до крошкообразного состояния, и каждый пришедший пробует эту смесь, поминая покойного. Родственники изготавливают гроб. Еще недавно гроб для мужчин обязательно делали из дубовых досок, для женщин – из осиновых; сейчас используют любой материал, который есть под рукой. Стружку от гроба сразу сжигают. Изнутри гроб обивают белой материей и устилают березовыми вениками без черенков.

Покойного одевают, желательно в новую одежду, стараясь, чтобы преобладал белый цвет. Летом хоронят в летней одежде, зимой – в зимней. Пожилые женщины, как правило, готовят смертную одежду заранее. Это национальный чувашский костюм, нередко тот, в котором женщина выходила замуж. Под голову покойного язычники кладут березовые веники; у православных шьется подушка (шьют обязательно левой рукой), которую набивают "богородской травой" (чабрецом). В руку умершего вкладывают ветку можжевельника, в изголовье ставят три зажженные свечи: одну – хозяйке кладбища Матрене, вторую – земле, в которой отныне будет "жить" умерший, третью – самому покойному. Около свечей ставят блюдо с блинами, просят для себя здоровья и обращаются к покойному с просьбой, чтобы не мешал живым.

В гроб кладут вещи, которые могут пригодиться в загробной жизни: сменную одежду, сигареты и спички, если человек при жизни курил, расческу, женщинам – нитки с иголкой. Туда же кладут небольшой мешочек с крошеном поминальным блюдом *юсман*, чтобы покойного бог простил. Если в семье в течение года было несколько смертей, то в гроб кладут самодельную тряпичную куклу, чтобы смертей больше не происходило. На гробу слева рисуют окно. По обычаю, пока покойный дома, его не принято оставлять одного. Возле него постоянно и ночью, и днем, смеясь друг друга, находятся родственники.

Все пришедшие проститься с покойным поминают его и получают от распорядителей похорон по три хлопчатобумажные белые нитки, которые нужно обмотать вокруг запястья левой руки, чтобы "грешники в чугуна не варились", чтобы "покойник смысл свои грехи и его душа могла по ниткам перебраться через котел в аду". Впоследст-

"Юпа" из дерева

вии необходимо дожидаться, пока нитки сами развяжутся и слетят с руки и использовать их при шитье. Выбрасывать нитки нельзя, иначе душа хозяина попадет в ад.

Покойного оплакивают, при этом следят, чтобы слеза не упала на него – "в таком случае он будет после захоронения все время лежать в воде". Детей на кладбище не берут. Если у покойного есть маленький ребенок, то его трижды переносят через гроб, чтобы умерший не взял ребенка с собой. То же делают, если в деревне имеется давно болеющий ребенок. Перед выносом садятся за стол, поминают и только тогда выносят тело вперед ногами со словами: "Пусть душа твоя разговаривает не собачьим, а птичьим голосом". Гроб несут шестеро мужчин на трех длинных полотенцах. На кладбище либо идут пешком, либо везут тело на грузовой машине. По пути следования процессия должна трижды остановиться. Первому встречному дают платок. Около кладбища в специально отведенном месте в овраг бросают взятый из каменки в бане горячий камень, чтобы покойнику "была добрая дорога". Перед тем как опустить гроб, в могилу бросали серебряную монету (сейчас бросают любую), чтобы светло было на том свете (вариант: выкупают землю). Затем гроб опускают головой на запад, один из близких родственников спускается в могилу и там заколачивает гроб. Топором показывает: "вот тебе окно, вот тебе дверь". Каждый присутствующий бросает по горсти земли, могилу закапывают. После этого на могиле устанавливают деревянную доску с указанием фамилии, имени и отчества умершего, даты рождения и смерти; сверху завязывают полотенце и с молитвой разжигают на могиле костер, чтобы вспоминать дом. Все присутствующие строем трижды обходят вокруг могилы, "чтобы черти к могиле не привязались", зажигают три свечи и оставляют на могиле стакан с напитком (бражка, пиво или квас) и поминальную еду – лепешки и куриное мясо. Затем один из родственников спускается к ручью и пускает по воде нитку – показывает путь к воде, после чего все отправляются в дом умерше-

"Юпа" из камня

го на поминки. Перед заходом в дом обязательно нужно умыться. В доме тем временем проводится уборка: моют пол (от двери) и окна. Пришедшим раздают на память полотенца (мужчинам) и платки (женщинам). После поминок принято совершить очистительную процедуру – помыться в бане со свежим березовым веником.

Считается, что душа покойного после смерти три дня живет дома. На третий день устраивают поминки – проводы души. Режут курицу, пекут блины, зажигают свечи; в дом приходят и поминают все желающие. Затем родственники идут на кладбище, на могиле остаются только три человека, жгут лучину, надкусывают лепешку, показывая, что она не отравлена. Пищу оставляют на тарелке, рядом ставят рюмку с водкой (раньше наливали квас). Такие поминки проводят еженедельно каждый четверг в течение месяца.

Главные поминки – *юпа* – проводят в последнюю субботу октября или в первую субботу ноября для всех, кто умер в период от Петрова дня (12 июля) до этой субботы. Для остальных умерших поминки проводят в последнюю субботу перед Петровым днем. На поминки изготавливают "юпа" – имитацию человека ростом около 60 см, которую обряжают в одежду покойного и некоторое время держат в доме. Сейчас "юпа" делают из дерева, для умерших мужчин из дуба, для женщин – из липы. Раньше, вплоть до первых послевоенных лет, "юпа" делали из камня и другой формы. Чувашские надгробные фигурки такой формы почти полностью аналогичны надгробиям дунайских болгар, чтошний раз подтверждает историческую версию о близком родстве этих народов (Чуваши 1970: 161). "Юпа" (уже без одежды) устанавливают на могиле рядом с вбитой ранее деревянной дощечкой.

○ В последнее время стало принято заменять дощечку каменным памятником с фотографией умершего. Режут овцу или барана, пекут *хулу* (повсеместно этот пирог еще называют по-русски *курником* или татарским термином *белеш*, но в отличие от

татар, чуваша в него добавляют крупу). Хуплу пекут нечетное количество и один обязательно отдают детям. Устраивают под гармошку поминальную трапезу на кладбище, по окончании которой отправляются на расположенную близ кладбища поминальную поляну. Здесь устанавливают игрушечные деревянные столик, покрытый белой тканью, и стульчик; вокруг разбрасывают кости, кожу и ноги от съеденного животного. После установки "юпа" на кладбище больше не принято было ходить. В последующем поминали всех умерших родственников дома по большим праздникам (Пасха, Семик, Троица). Делали свечки по количеству умерших, резали курицу, из которой готовили суп, пекли блины. Кашу варить было нельзя; это блюдо, предназначенное для жертвоприношения. В настоящее время на большие праздники ходят поминать на кладбище.

Самоубийц запрещалось хоронить на общем кладбище, их хоронили за оградой, в могилу вбивали осиновый кол. Старожилы вспоминают, что как-то похоронили женщину-самоубийцу на кладбище, так случилась засуха, и старики настояли на перезахоронении. Считается, что самоубийц нельзя поминать в общем порядке. Обычно в день поминаения поступают так: выходят во двор с блином и ковшем воды, надкусывают блин и бросают его собаке, выплескивают воду с приговором, чтобы покойный не принес в дом беды. Сейчас самоубийц хоронят на общем кладбище; старики относятся к этому крайне негативно и предрекают различные бедствия.

Если умирал ребенок до обряда наречения именем, всех мальчиков именовали "Мурза", а девочкам давали имена, оканчивающиеся на "-пике" (Кспике, Сарпике, Эльпике и т.п.). Так же называли мертворожденных. Таким детям, как и самоубийцам, "юпа" не ставили; детям до трех лет поминки не устраивали.

Описанная похоронно-поминальная обрядность характерна в первую очередь для язычников. Точно так же хоронят и поминают своих умерших чуваша-мусульмане, очень неодобрительно при этом отзываясь об исламском похоронном обряде без гробов и отсутствии одежды на умершем и предметов обихода в могиле. Внешне мусульманское кладбище в с. Старое Суркино тоже ничем не отличается от языческого, кроме размеров (не более 30 захоронений, относящихся к различным годам последних 100 лет). Крещеные чуваша хоронят и поминают своих умерших по церковно-православным предписаниям на собственном кладбище. Хоронят на третьи сутки, над покойником читают псалмы, на голову надевают венчик, в руки вставляют свечу. На могиле ставят крест. Поминки устраивают на 3-й, 20-й, 40-й день после смерти, а также через полгода и год.

Таким образом, похоронно-поминальная обрядность как самая консервативная часть этнической культуры сочетает в себе различные воззрения, отражает особенности развития народа.

* * *

Чуваши-язычники Альметьевского р-на РТ – одна из самых интересных этнографических групп региона. История этой группы – яркий пример известных в мировой этнологии случаев, когда переселенцы оказываются в иноэтническом окружении и всячески стремятся выжить, не потерять свой этнокультурный облик, не ассимилировать. У описанных чувашей язычество явилось как средством адаптации к новым условиям проживания, так и механизмом, обеспечившим передачу традиций и их жизнеспособность. Немало способствовали тому окружающие природные условия. Так, с. Старое Суркино расположено в глубокой котловине и окружено глухими лесными массивами, так что после переселения, как гласят народные предания, о группе долгое время не знали, и она жила в условиях самоизоляции. Как говорят сами суркинцы, "сохранили свои верования самые устойчивые, твердые духом и силь-

ные волей; ...приверженность к язычеству дает нам чувство гордости, что наши предки сумели пронести свои традиции через все преграды".

Анализ этнографических материалов показывает, что в этнокультурном облике современных чувашей-язычников Альметьевского р-на Татарстана присутствует несколько слоев. Во-первых, это древний дохристианский пласт, который, естественно, за много веков значительно трансформировался и, тем не менее, не является "уходящей натурой". Судя по тому, как хорошо информирована о традициях молодежь и какое активное участие она принимает в общественных и семейных традиционных действиях, этнокультурная преемственность группы в обозримом будущем обеспечена. Во-вторых, местные чуваша являются частью чувашского этноса, о чем свидетельствует наличие в их культуре общетюркских и общечувашских черт. В-третьих, в облике альметьевских чувашей явственно прослеживается региональный культурный слой как результат взаимодействия с окружающими народами, в первую очередь с татарами. Наконец, эта группа представляет собой характерную часть российского общества со всеми, присущими ему социокультурными атрибутами. Сочетание всех этих слоев придает местным чувашам необычайный колорит, делает их весьма притягательными для профессионального этнографического наблюдения, и на этом "поле" возможностей для работы еще предостаточно.

Примечания

¹ Архив Фонда "Альметьевская энциклопедия", извлечено из: Рос. гос. исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2002. Л. 151–151 об.

² Архив Фонда..., извлечено из: Гос. архив Оренбургской обл. Ф. 6. Оп. 1. Д. 444. Л. 11 об.: Рос. гос. военно-исторический архив. Ф. 414. Оп. 1. Д. 334. Л. 22; Журналы с приложениями Бугульминского уездного земского собрания. Бугульма, 1908. С. 162.

³ Архив Фонда..., извлечено из: РГИА. Ф. 558. Оп. 2. Д. 294. Л. 38 об.

⁴ Там же.

⁵ Архив Фонда..., извлечено из: Алфавитный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1906.

⁶ Перевод жительницы с. Старое Суркино Бикбовой Галины Тимофеевны (1946 г. рожд.).

Литература

Денисов 1959 – Денисов П.В. Религиозные верования чувашей. Чебоксары, 1959.

Димитриев 1983 – Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Ч. 3. Чебоксары, 1983.

Список... 1910 – Список населенных мест Самарской губернии. Самара, 1910.

Токарев 1964 – Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

Чуваши 1970 – Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. 2. Чебоксары, 1970.

G.R. Stoliarova. Rites of the Pagan Chuvash of Tatarstan

The subject of the article is what author holds to be one of the most unique ethnographic groups of Tatarstan – the pagan Chuvash of Almetievsk region. Being surrounded by other ethnic groups, they preserved their distinctive cultural traits; and paganism, the author argues, was both a means of adaptation to changing life conditions and a mechanism ensuring the continuity of their traditions. Yet, the author writes, an ethnographic analysis discloses clear traces of the people's interaction with neighbour cultures, primarily the Tatar.